

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В РОССИИ: ЗА И ПРОТИВ

А.М. Страхов

БелГУ, г. Белгород

Рассмотрена проблема актуальности полового воспитания в России прошлого и настоящего в контексте общего состояния отечественной половой культуры с позиций культурно-философской антропологии пола и любви.

Ключевые слова: сексуальное образование, сексуальная культура, антропология.

В традиционном российском обществе, как и в отечественном модерне, представленном в основном советским периодом, вопрос о половом воспитании в образовательных учреждениях практически не стоял. Традиционно-нормативные образы пола и любви предполагали игнорирование сексуальной сферы как постыдной и низменной. Если в русском народе еще и сохранялись остатки язычества (не одно столетие в русском обществе шла с переменным успехом борьба со скomorошеством, допускавшим на потеху невзыскательной и грубой толпе, часто нетрезвой, непристойности в словах и движениях; до сих пор мифологическое соитие неба и земли, культ Ярилы и т.п. сохраняются в завуалированной форме в народных свадебных обрядах; иногда в русском сектантстве наблюдалось повышенное внимание к взаимоотношению полов, выразившееся в крайностях скопчества и «свального греха»), то господствовавшая в государствообразующем этносе православная половая мораль саму постановку вопроса о половом воспитании не допускала, ориентируя на аскетические настроения. Подчеркивая низкий уровень половой культуры русского человека и советуя учиться светлому и радостному отношению к половой жизни у мусульман и евреев, В.В. Розанов писал: «Странный дух оскопления, отрицания всякой плоти, вражды ко всему вещественному, материальному – сдавил с такою силою русский дух, как об этом на Западе не имеют никакого понятия» [3]. Обращает внимание на «поэтический идеал нецивилизованного русского человека» и И.С. Тургенев, у которого Потугин в «Дыме» говорит: «Разверните наши былины, наши легенды. Не говорю уже о том, что любовь в них постоянно является как следствие колдовства, привороты, производится питием «забыдущим» и называется даже присухой, зазнобой; не говорю также о том, что наша так называемая эпическая литература одна, между всеми другими, европейскими и азиатскими, одна, заметьте, не представляла – коли Ваньку-Таньку не считать – никакой типической пары любящих существ; что святорусский богатырь свое знакомство с суженой-ряженой всегда начинает с того, что бьет ее по белому телу «нежалухою» – отчего «и женский пол пухол живет» [4]. Соответственно,

помощи, совета, «даже простого слова внимания и ободрения» (С.Л. Франк) не было и быть не могло. «Лишь одни врачи и психопатологи, из наиболее чутких, знают, какие бури разыгрываются в человеческой душе в этой области и сколько мук, физических и душевных болезней, разбитых и искалеченных жизней причиняют эти глубоко затаенные стихийные бури. И в этой трагической области, которая требует в отношении себя величайшей внимательности, чуткости, осторожности и индивидуализации, где мы так страстно жаждем совета, утешения, подлинной помощи, где нам нужны опытные руководители, чуткие друзья, деликатные, понимающие нашу муку и наш стыд педагоги и разумные врачи, – мы наталкиваемся на непробиваемые стены официальной, беспощадно-строгой, одинаковой для всех морали, мы стоим перед лицом суровых, тупых и к тому же лицемерных судей – ибо сами судьи не лучше судимых и лишь мстят своим судом за свои собственные скрытые мучения», – отмечает Франк [5].

Следует заметить, что наряду с аскетическими настроениями во всех сословиях русского народа – даже в духовном – присутствовал грубый половой разврат: русский этнический характер (пресловутая загадочная «русская душа») отличается крайностями. Объяснение данному обстоятельству приводится С.А. Аскольдовым и Н.А. Бердяевым, по убеждению которых, душа русского человека трехсоставна, как любая другая душа, но в ней доминируют начала святое, ангельское и звериное, животное, а собственно человеческое представлено слабо, отсюда и «качание» между аскетизмом и развратом. Последний в различных формах подробно описан в русской классической художественной литературе: М. Горьким, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым и др.

Половое воспитание не осуществлялось даже в «прогрессивных» интеллигентских семьях, выходцы из которых были подвержены тем же крайностям, что и русский народ в целом. «Огромное большинство наших детей вступает в университет уже растленными. Кто из нас не знает, что в старших классах гимназий уже редко найдешь мальчика, не познакомившегося либо с публичным домом, либо с горничной», – пишет А.С. Изгоев, до-

бавляя: «Даже во Франции, с именем которой у нас соединилось представление о всяких половых излишествах, даже там, в этой стране южного солнца и фривольной литературы, в культурных семьях нет такого огромного количества половых скороспелок, как в северной, холодной России...» [1].

Социальная революция 1917 г. не только не привнесла более высокую культуру в сферу взаимоотношения полов, но, напротив, обрушившись с позиций «воинствующих» материализма и атеизма на религию, ослабило «святое», «ангельское» начало в русской душе, высвободило звериное, а человеческое не успела развить, что выразилось в такой масштабной либерализации половой морали, которую иначе как сексуальной революцией не назвать. Первая русская сексуальная революция сопровождала социальную вопреки стремлениям и упованиям большевистской власти, унаследовавшей от русской радикальной интеллигенции прищипанной ей аскетизм. М. Булгаков, Б. Пильняк, П. Романов и другие писатели того времени убедительно показали, как обесценивается, сводясь к встречам на месяц, неделю, ночь, любовь. Что во взаимоотношении полов в советской России не все благополучно, свидетельствуют стихи пролетарского поэта В. Маяковского. Развращающее воздействие гражданской войны признавала, правда, своеобразно его интерпретируя, Н.К. Крупская. Массовые разводы, в т.ч. партийных функционеров, вызвали дискуссии в партийной среде. О половом воспитании как целенаправленном воздействии на подрастающее поколение речь опять-таки не шла, более того, сознательно игнорировались даже этикетные нормы взаимоотношения полов, объявленные «буржуазными предрассудками» (против мужской галантности, якобы оскорбительной для мало-мальски уважающей себя женщины в духе современного радикального феминизма выступал еще Н.Г. Чернышевский).

Мало что изменилось с половым воспитанием в СССР после провала первой русской сексуальной революции с утверждением сталинского режима. Офищизм по-прежнему исходил из того, что половое «обгладывает» (А.Б. Залкинд) революционную эмоциональность, отвлекает от строительства «светлого будущего». Однако ценности любви и семьи как в искусстве социалистического реализма, так и официальной пропагандой провозглашались. Не внесло изменений и начало первого этапа второй русской сексуальной революции. Разворачивалась она одновременно с западной, но протекала латентно, вялотекущее, затрагивая преимущественно городскую молодежь и интеллигенцию, что показано, например, на страницах произведений В. Высоцкого, Ю.В. Трифонова, Л. Улицкой и нашло отражение в поэме Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки». Попытка ввести в средних учебных заведениях такого предмета как «Этика и психология семейной жизни» представляется крайне неудачной не только из-за морали-

заторского уклона самой программы, но и из-за отсутствия специалистов, способных данный предмет грамотно преподавать: вели уроки либо гуманитарии (филологии и историки), либо биологи, а то и вовсе случайные люди, штатное расписание средних учебных заведений страны наличие школьного психолога не предусматривало. Зато с ростом общей культуры частично восстанавливаются этикетные нормы взаимоотношения полов, которыми прежде в советской России откровенно пренебрегали.

С распадом Советского Союза и демократизацией России в стране начинается второй этап второй русской сексуальной революции. Он проходит уже в силу открытости постсоветского российского общества и усиливающихся процессов глобализации, все более вторгающейся в культурную область, под заметным западным влиянием. Хлынул из-за рубежа поток порнографических и эротических материалов, изделий секс-индустрии; кино- и видеofilmьмы, переводная художественная и просветительская литература очень быстро приучили россиян любовью не жить, а заниматься, тем более что половое просвещение, сводимое к технике секса, мало чем от тех же порнографических материалов отличается. Страна вскоре становится уже не только импортером, но и экспортером порнографии, расцветает фактически вышедший из подполья коммерческий секс, т.е. мужская и женская проституция, отношение к которому у государства складывается по известному принципу «ни мира, ни войны»: если к самим «цветам животного царства» (А.И. Герцен) применяются меры административного воздействия в виде символических штрафов (уголовно наказуются только организаторы притонов), то к сексу по телефону, открыто рекламируемому многими телеканалами, претензий вообще нет, а ведь «горячий разговор» это та же проституция, только в перверсной форме! Не только не стало закрытых тем, но как правило интимные стороны взаимоотношения полов подаются в извращенной форме, достаточно вспомнить популярные телепроекты «За стеклом», «Голод», «Дом» и «Дом-2» – всем им присущ вуайеризм. Аналогично со многими произведениями современной отечественной художественной литературы. Сексуализируется реклама в печатных и электронных СМИ. Мрачная статистика разводов не отражает реальной картины, поскольку многие молодые (и не очень молодые) люди предпочитают сожительствовать, не оформляя официально своих взаимоотношений. Низкая рождаемость в «русско-православных» регионах России наличествует на фоне неполных семей, причем если после первой русской сексуальной революции маргинальными перестали быть матери-одиночки, чему, конечно, способствовала демографическая ситуация, возникшая из-за Великой Отечественной войны, то в современной России перестают быть маргинальными отцы-одиночки.

Но русский характер остался противоречивым, в нем прослеживается и «ангельское», «святое». Происходит частичная десекуляризация общества, опять-таки, по противоположным направлениям: наряду с восстановлением утраченного влияния Русской Православной Церкви, выразительницы и хранительницы традиционно-нормативных образов пола и любви, наблюдается распространение религиозных организаций деструктивного характера, в т.ч. эксплуатирующих сексуальность и пробуждающих «звериное», «животное» у своих adeptов. В отличие от позапрошлого столетия РПЦ обращается к проблемам взаимоотношения полов, появляется значительное количество книг православных авторов по вопросам семьи, любви, детства, сами священнослужители с разной степенью успешности говорят с молодежью на эти темы. Однако в обществе актуализируется вопрос о половом воспитании подрастающего поколения. Так, его поднимает основоположник отечественной сексологии И.С. Кон, выступая против «современных миссионерских атак на сексуальную культуру и просвещение» и подчеркивая, что «идею школьного сексуального просвещения коммунисты и клерикалы атакуют даже более яростно, чем порнографию и коммерческие сексуальные услуги» [2].

Сексуальное просвещение уже происходит по западному образцу и часто на западные деньги, когда, например, под предлогом борьбы со СПИДом широко рекламируется «безопасный секс». Существует проект детского учебника с картинками, который не столько просвещает, сколько развращает. Есть и другая опасность – чрезмерное морализаторство. В связи с этим вопрос о внедрении в образовательный процесс средних учебных заведений России специально посвященной половому воспитанию дисциплины (не так уж важно, как ее назвать) представляется

дискуссионным: уж слишком трудно избежать крайностей ханжеского морализаторства и бесстыдного натурализма. Другое дело, что учителя-предметники, а в начальных классах – классные руководители в силу своего такта, мировоззренческих установок и нравственной интуиции могут и должны осуществлять такое воспитание, органично включенное в учебно-воспитательный процесс. Предполагают в определенной степени половое воспитание и «Основы Православной культуры», против которых звучало немало в духе западных либерализма, мультикультурализма и политкорректности голосов. Терпимость к инакомыслию, к чужой культуре и религии – важная отличительная черта русского этноса, но западные образовательные (как и многие другие) стандарты не совсем подходят для России с ее крайностями без полумер и компромиссов, выразившимися, в частности, в смещении эротика и порнографии. Только если в советский период любое проявление здоровой эротика спешили объявлять недопустимой порнографией, то теперь под видом эротика протаскивается порнография (грань между ними, конечно, достаточно условна).

Литература

1. Изгоев, А.С. *Об интеллигентной молодежи (Заметки об ее быте и настроениях)* // *Вехи. Из глубины.* – М.: Правда, 1991. – С. 100–101.
2. Кон, И.С. *Надо ли бояться порнографии?* / И.С. Кон // *Социологическая психология.* – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1999. – С. 528–529.
3. Розанов, В.В. *Русская церковь* / В.В. Розанов // *Религия и культура.* – М.: Правда, 1990. – С. 335.
4. Тургенев, И.С. *Дым* / И.С. Тургенев // *Собр. соч. в 10 т.* – М.: ГИХЛ, 1961. – Т.4. – С. 76.
5. Франк, С.Л. *Крушение кумиров* / С.Л. Франк // *Сочинения.* – М.: Правда, 1990. – С. 150.